

В шлейфе снежинок

— Самое яркое впечатление года уходящего?.. — переспрашивает она. — Наверное, то, что сбылась давняя мечта, которая живет в сердце каждого вокалиста, — я побывала в Италии, где, кажется, и сам воздух напоен музыкой. А самое памятное событие — конечно, переход в театр имени Кирова, куда меня пригласил выдающийся дирижер Юрий Хатуевич Темирианов. В стенах этого театра сбылось и еще одно давнее желание — впервые в жизни мне посчастливилось работать с выдающимся оперным режиссером Борисом Александровичем Покровским! В целом же, с тех пор как я выступаю на оперной сцене, не было для меня года более яркого, более памятного.

— Нескромный вопрос, Люба: не жалеете, что уехали из Москвы?

— Жалею, конечно! Я ведь москвичка по рождению — и останусь ею в душе. Но, с другой стороны, театр, на сцене которого я дебютировала пять лет назад, с тех пор очень изменился...

— Еще вопрос... Партия Марины Мнишек в опере Мусоргского «Борис Годунов», которую вы сейчас репетируете, традиционно считается меццо-сопрановой. Поэтому ваше назначение на эту роль многие сочли неожиданным...

— Кто-то — может быть. Но не я! Меня всегда тянуло к необщепринятому, к преодолению устоявшихся стереотипов, которых, увы, еще так много в современном оперном театре...

— А как вы сами относитесь к вашей героине?

— Если шутливо, отвечу словами Пушкина: «Моя Марина — славная баба!..» Если же серьезно, то эта роль кажется мне вполне актуальной: что-то уж больно во многих моих современниках проступают мнишкинские расчетливость и прагматизм...

— Никогда так не хочется верить в чудеса, как под Новый

год. Люба, вообразите себе, что всемогущий Дед Мороз готов исполнить в наступающем году три ваших самых заветных желания...

— Все три — одно: петь, петь — и еще раз петь! Всегда иметь возможность говорить людям со сцены то, что не можешь не сказать... С этим связаны все мои творческие планы. Я никогда не скрывала своих горячих симпатий к музыке Джузеппе Верди. В минувшем году я спела партию Абилай в первом

у нас в стране концертном исполнении оперы «Набукко». Надеюсь в году наступившем спеть Виолетту в «Травиате»... А об остальном... позвольте даже Деду Морозу не говорить, воздавая дань традиционным актерским приметам!..

...Мы прощаемся. И Любовь Казарновская исчезает в служебном подъезде театра. Исчезает совсем по-сказочному, оставив за собой мерцающий шлейф снежинок...

Г. ОСИПОВ.

Едва ли о какой-либо из молодых оперных певиц в последнее время говорят больше, чем о Любове Казарновской. В уходящем году ее нарекли солисткой четырех театров: будучи еще в труппе Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, она выступала на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова в «Силе судьбы» Верди, с труппой Малого Ленинградского оперного театра побывала в Италии и на Единбургском музыкальном фестивале, а также несколько раз пела в спектаклях Большого театра. С сентября Казарновская — солистка театра имени Кирова. И только что ей была присуждена премия Ленинского комсомола...

Мы договорились заранее, что наша беседа со спешащей в театр певицей состоится на ходу. Ибо невозможно представить себе Любовь Казарновскую оставившейся — ни в жизни, ни в творчестве.

Сов. Россия, 1987, 1 янв.